

А. Э. Котов

**«ВСЕ ХРИСТИАНСКОЕ ИМЕЕТ ПРАВО
НА МОЮ САМУЮ ПЛАМЕННУЮ СИМПАТИЮ»:
ПЕРЕПИСКА Ю. Ф. САМАРИНА С Э. Ф. РАДЕН**

Рецензия на книгу: «Я любил Вас любовью брата...»: переписка Ю. Ф. Самарина и баронессы Э. Ф. Раден (1861–1876) / отв. ред. О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2015. 447 с.

Ключевые слова: славянофильство, консерватизм, национализм, Самарин, Аксаков, православие, протестантизм, публицистика, Прибалтика, Германия.

Переизданная «Владимиром Далем» книга принадлежит к числу важных памятников русской общественной мысли. Перед нами диалог не только ярких личностей, но и представителей двух противоположных идейных «лагерей»: баронесса Эдита Федоровна фон Раден — носитель просвещенного, «имперского» патриотизма; Юрия Федоровича Самарина не без оснований считают своим родоначальником современные либеральные националисты. Однако разделенные политическими пристрастиями собеседники сохраняют сразу несколько общих знаменателей: прочность аристократической самодисциплины, любовь к России, искренность своей религиозности.

О баронессе Раден сразу после ее кончины (1885) прекрасно написал И. С. Аксаков: «...сильная умом — изящным, многосторонним, просвещенным; сильная волей — никогда не избегавшей, но всегда искавшей подвига в жизни; неколебимо строгая в своих нравственных убеждениях — с никогда не ослабевавшим высоким религиозным строем души. Благородство ее духовной природы заставляло каждого, при встрече или беседе с нею, невольно выпрямляться и своею душою»¹. Младший брат Ю. Ф. Самарина, Дмитрий Федорович, подготовивший первое издание книги, прибавлял к этой характеристике: «баронесса Раден была строгая, убежденная протестантка, всею душою преданная своей родине — Курляндии»².

Александр Эдуардович Котов — кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии Института истории Санкт-Петербургского Государственного университета (akotov@inbox.ru).

¹ Переписка Ю. Ф. Самарина с баронессою Э. Ф. Раден. 1861–1876 г. Издание Д. Самарина. М., 1893. С. III

² Там же. С. V.

Второй участник переписки, Ю. Ф. Самарин, в представлении не нуждается. В предисловии к нынешнему изданию А. А. Тесля не случайно приводит его же собственные строки: «Кто не жил с ранней молодости полной жизнью ума, воли и чувства в той обстановке, как бы тесна она ни была, в которой поставила его судьба, кто находил недостойным себя затрачивать свои дарования на достижения целей, полезных, но на вид мелочных, в том эти приберегаемые им дарования, действительные или мнимые, рано или поздно выдыхаются. Из подобного рода субъектов, одною силою внешних обстоятельств и производств в высшие должности, никогда не вырабатывается крепких деятелей» (с. 7). Подобная «светская аскеза» могла бы напомнить читателю о буржуазной «протестантской этике», если бы не присущая собеседникам внутренняя свобода в сочетании со столь восхищавшей Эрнста Юнгера аристократической *desinvolture*.

Автор предисловия справедливо отмечает, что холодная логичность самаринской аргументации «вызывала зачастую от обратного подозрение в холодности, жестокости» (с. 26–27). Разумеется, жестокостью эта холодность не была — потому-то Эдита Федоровна, которую задевали антинемецкие выпады своего корреспондента, могла все же отвечать ему: «Вы еще не поняли, что я заранее принимаю все выпады искусного фехтовальщика, потому что я *верю*, что *шпагу не опускали в яд краснокожих* и что человек выздоравливает или беззлобно умирает от открытых ран» (с. 190).

«Яд краснокожих», в который позднее окунали свои перья представители «боевой публицистики» XX в., Самарину и в самом деле чужд. Его публицистика — орудие поединка, но не уничтожения или расчеловечивания соперника: «Мы переживаем важнейший момент *борьбы*, перед нами противники, а не *обвиняемые*» (с. 119). Оказавшись на грани разрыва с баронессой, Самарин честно признается: «Я любил Вас любовью брата... Я любил даже Ваши расовые и кастовые предрассудки; они позволяли мне понять и оценить то, что было возвышенного в наших взглядах, в природе нашего национального гения, абсолютных противников. И это я теряю, не совершив ничего недостойного» (с. 93).

Сам принадлежа к дворянскому сословию, Юрий Федорович вполне обладал обаянием «аристократа, идущего в демократию». Объект его критики — сословные привилегии остзейских немцев, сохраненные в свое время Петром I и просуществовавшие до Великих реформ Александра II. Самарин осуждает всякую привилегию: «Тот, кто заявляет

о привилегии, говорит об исключении из общего закона, о покровительстве или льготе об одних, о бремени или ограничении большинства» (с. 39). И именно большинство оказывается объектом его защиты: «С одной стороны немцы, die von gutter deutscher Nation sind (нем. доброй немецкой нации), это привилегированные. Что же вы находите с другой стороны? Это не русские, не финны, это совокупность тех, кому Провидение отказало в праве родиться немцами» (с. 40).

Пользуясь поддержкой имперской бюрократии, остзейцы успешно отстаивали свои привилегии. Однако в масштабах всей империи подобная «цветущая сложность» только усугубляла бюрократический произвол — и сами немцы этим пользовались: «Вы нас попрекаете в том, что мы домогаемся покровительства Цезаря. Полноте! Это Ваши укрываются под его крыло, и острое его меча они направляют против нас» (с. 92). Остзейцы были лояльны Российской империи и ее Государю, но не русскому народу. С объединением же Германии они получили еще один вероятный центр притяжения. Как следствие, сословное начало приобретает у Самарина этническое измерение. Прибалтийские рыцари, по его убеждению, требуют «привилегии расовой» (с. 40): «Оторванная навсегда от великого германского ствола, немецкая колония, управляющая тремя провинциями, не желает ни поднять до своего уровня массу undeutsche, ни снизить до примирения с нами» (с. 51).

Для Самарина «многонациональная» имперская модель государства, скрепленного лишь личностью государя и окружающих его, но отделенных от народа аристократов-«управленцев», — «это лезвие бритвы, прошедшее между сердцем и головой нации, это яд, впрыснутый в самые чувствительные нервные волокна общества, разлагающее вещество, не менее опасное, чем пропаганда Герцена, быть может, единственное разлагающее вещество, которого нам надо страшиться» (с. 61).

Со своей стороны, баронесса фон Раден была убеждена в возможности «взаимного влияния между нашими двумя расами» (с. 90). Она считала, что немецкое рыцарство нужно России, что демократическая славянская стихия нуждается в «оформляющем» и сдерживающем ее начале (с. 55). Однако самого Самарина Эдита Федоровна всегда защищала, в своих заграничных публикациях опровергая «пущенные в обращение обвинения его в варварски-разрушительных стремлениях из-за национальной ненависти»³.

³ Переписка Ю. Ф. Самарина с баронессою Э. Ф. Раден... С. VII.

Но был и иной, новый яд, об опасности которого Самарин заговорил одним из первых, — это отравлявший молодой германский рейх яд национального самопревознесения. Предтеча русского современного национализма в 1870 г. размышлял о ходе франко-прусской войны: «...нельзя не распознать в упоении прусским триумфом фальшивые ноты, режущие слух. Преклонение перед силой начинает преобладать над культом свободы — этот симптом нам известен, новый деспотизм в зародыше... Концентрация сил, подобная той, что произошла в Пруссии, порождает войну, а не ждет ее. Расовые столкновения, как в V-м веке при наличии железных дорог, телеграфов и пулеметов, — вот что, видимо, приготовило для нас будущее...» (с. 192–193).

Однако самая важная линия переписки — религиозно-богословская. Эта часть писем незадолго до выхода рецензируемой книги уже была републикована и откомментирована о. Павлом Хондзинским⁴. Ее центральный вопрос — перевод Эдитой Федоровной на немецкий хомяковской еклесиологической классики — сочинения «Церковь одна», а также самаринского предисловия ко второму тому богословских сочинений А. С. Хомякова. И здесь у собеседников оказалось куда больше общего, чем могло бы показаться на первый взгляд. Благородство и доброта Эдиты Федоровны с неизбежностью вели ее к совершенно определенному взгляду на Русскую Церковь: «Все *христианское* имеет право на мою самую пламенную симпатию. — Тем более, когда речь идет о Церкви той страны, которой я принадлежу, Церкви, которую я боготворю, ибо научилась ее понимать, и чье могущество я ценю в силу ее доброты! Ее недооценивают из-за неведения, о ней ложно судят, как же мне с готовностью не воспользоваться случаем и не показать ее в истинном свете!» (с. 161).

При этом баронесса остается убежденной протестанткой — и полемизируя с ней, Самарин раскрывает те свои мысли, что не всегда могли попасть на страницы печати. Критикуя протестантизм, он отмечает: «Вместе с книгой уходит вера (как учение). Это уже не сокровище, которое необходимо сохранить, это то, что требуется открыть. Надеются достичь этого посредством интеллектуального труда, критики, накопления доказательств; настанет время, говорят они, когда сомнения и противоречие в вопросах догмы станут столь же невозможны, сколь они невозможны в области геометрии. Утраченное единство окажется воссозданным наукой. Нет нужды добавлять, что весь рационализм

⁴ Хондзинский П., прот. Из переписки Ю. Ф. Самарина с баронессой Э. Ф. Раден // Русское богословие: исследования и материалы. М., 2014. С. 232–271.

в зародыше обнаруживает себя в этой иллюзорной надежде, которая, кстати, с каждым днем тает» (с. 104).

Как и положено славянофилу, иллюзиям рационализма Самарин противопоставляет реальность живого чувства: «Если истина заключается в любви, степень ясности осознания индивидуальной веры находится в связи с силой любви, а не с силой развития интеллекта. Ум — природный дар, способный к развитию до определенной границы, и факт этого развития всегда предполагает совокупность совершенно случайных обстоятельств. Любовь, напротив, целиком заключается в *намерении*, в искреннем *желании*, которые по своей природе безграничны и которым человек является хозяином» (с. 105). Впрочем, и здесь он не удерживается от рационального аргумента: «Вы признаете, однако, *одно* проявление Церкви как моральной сущности, всегда идентичной самой себе или, иначе говоря, непогрешимой — одной единственной: это выбор летописей, проповедей, стихов, посланий, — того, что Вы называете Писанием. Почему это единственное проявление, исключаящее любое другое? Почему автор Писания, которым не является ни Моисей, ни Св. Лука, ни Св. Павел, но именно Церковь, почему этот автор лишился дара речи, как только была закончена книга?» (с. 165).

Тем не менее относительно самой баронессы он выражает твердую уверенность: «Вы принадлежите, не подозревая того, Церкви» (с. 162). И далее Самарин пишет о своих симпатиях: «Вы *durch und durc* протестантка, я это знаю, и для Вас протестантизм не только доктрина, это прежде всего моральный принцип, это свобода веры. Это также комплекс воспоминаний и традиций, которые было бы немислимо оторвать от Вас. Тип человека-христианина, каким его понимает протестантизм, вызывает у Вас бóльшую симпатию, нежели все святые церковного календаря, и в этом я разделяю Ваши предпочтения по многим пунктам. Вы судите о доктрине по ее пользе и не спрашиваете себя, не результат ли это христианского принципа или принципа преимущественно протестантского» (с. 162–163). О себе же Самарин скажет: «Что касается меня, я предпочитаю гимн образу и лучше понимаю философскую формулу, чем легендарный рассказ, а потому всегда желал Церкви, к которой я принадлежу, не резкого разрыва с прошлым, а спонтанного пробуждения разума, создавшего протестантскую жизнь» (с. 241).

Протестантские тенденции в самаринской религиозности, как ни странно, продиктованы именно его консерватизмом: «формально правильный силлогизм» для него всегда требует проверки «живой жизнью»,

а значительная часть современников-консерваторов оказываются латентными революционерами⁵. Не случайно в 1861 г. Самарин напишет И. С. Аксакову следующие строки о церковно-государственных отношениях: «Хомяков говорит, между прочим, о необходимости соглашения преподавания Закона Божия с действительным исполнением православного обряда, о том, что ученики в школах должны поститься и соблюдать праздники, и проч. Все это, разумеется, справедливо, но таково печальное положение дел в России, что всякое доброе дело, упдающее на общественную почву, взойдет и расцветет непременно каким-нибудь репейником... Теперь у нас министр Путятин, уже предлагавший в проекте устава морского корпуса заставлять кадетов говеть четыре раза в год и склонный к тому, чтобы подчинить воспитание казенно-духовному надзору высшей иерархии. Советы Хомякова, не переваренные как следует слабым умственным желудком министра, действуют на него как масло, подлитое в огонь!»⁶

Отметив в письме баронессе, что «большинство наших богословов, если бы их пригласили меня рассудить, сочли бы, что я запятнан ересью» (с. 166), даже свой славянофильский религиозный иррационализм Самарин пытается обосновать рационально: «Наблюдая внимательно, я обратил внимание, что Церковь никогда заранее не признавала вселенский характер (вселенскость) ни одного Собора. Никогда она не говорила: вероучение истинно, потому что Вселенский Собор его обнародовал; напротив, только после того, как вероучение признавалось истинным, Церковь присуждала собранию, которое его сформулировало, титул Вселенского Собора. В случае надобности я стремился доказать, что не существует никакого юридического признака, согласно которому можно различить Вселенский Собор как олицетворение непогрешимости от любого другого собрания епископов» (с. 166). Главным критерием ему представляется иное: «Дух Божий — не абстракция: он существует и проявляет себя, говорит и действует, — с чистым сердцем ищите его, ищите всегда, и Вы узнаете его, ищите всегда, и Вы узнаете его среди всех; но если, отчаявшись, Вы надеетесь, проявив внешнюю покорность, угодить Вашей совести, желающей, чтобы все Ваше существо насытилось истиной, Дух Божий ускользнет от Вас, и Вы окажетесь перед лицом идола» (с. 167).

Этот искренний порыв не остается незамеченным — и в ответном письме баронесса пишет: «Быть может, впервые с тех пор, как мы знаем

⁵ Самарин Ю., Дмитриев Ф. Революционный консерватизм. Берлин, 1875. С. 10.

⁶ Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина (1848–876). СПб., 2016. С. 108.

друг друга, я не почувствовала в Вашем последнем письме стального лезвия сквозь мнимую мягкость умозаключений... Как же долго я не могла распознать эту широту, эту терпеливую доброту и подлинную свободу?» (с. 168). Именно это забытое XX столетием умение распознавать перечисленные качества становится одновременно и главной объединяющей собеседников силой, и главным, что может вынести из этой книги современный читатель.

К сожалению, прекрасно изданная, качественно переведенная (переписка велась по-французски и по-немецки) и, как всегда, добросовестно откомментированная О. Л. Фетисенко книга не содержит всего эпистолярного комплекса. В нее вошли лишь те письма, что уже издавались Д. Ф. Самариним в 1893 г. Некоторым недочетом нам представляется и отсутствие в нынешнем издании прежнего предисловия Самарина-младшего, которое для читателя-неспециалиста прекрасно дополнило бы умную вступительную статью А. А. Тесли. Будем надеяться, что в следующем издании, надежда на которое высказана в комментариях, все это появится.

Источники и литература

1. Переписка Ю. Ф. Самарина с баронессою Э. Ф. Раден. 1861–1876 г. Издание Д. Самарина. М., 1893. 244 с.
2. Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина (1848–1876). СПб.: Пушкинский Дом, 2016. 710 с.
3. Самарин Ю., Дмитриев Ф. Революционный консерватизм. Berlin: V. Behr's Buchhandlung (E. Vock), 1875. 146 с.
4. Хондзинский П., прот. Из переписки Ю. Ф. Самарина с баронессой Э. Ф. Раден // Русское богословие: исследования и материалы. М., 2014. С. 232–271.
5. «Я любил Вас любовью брата...»: переписка Ю. Ф. Самарина и баронессы Э. Ф. Раден (1861–1876) / отв. ред. О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2015. 447 с.

Aleksandr Kotov. “All Things Christian Have a Right to My Warmest Sympathies”: the Correspondence of Yuri Samarin and Edita Raden.

A review of “*Ya lyubil Vas lyubov'you brata*”: *perepiska Yu. F. Samarina i baronessy E F. Raden (1861–1876)* (“With a brothers love I loved you”: the correspondence of Yuri Samarin and Baroness Edita Raden) // ed. O. Fetisenko. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2015. 447 p.

Keywords: Slavophilism, conservatism, nationalism, Samarin, Aksakov, Orthodoxy, Protestantism, publicism, Baltic States, Germany.

Aleksandr Eduardovich Kotov — Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of the Department of Museum Study at the Institute of History of St. Petersburg State University (akotov@inbox.ru).